

Письма

Выслушав их, Сяо Жун наконец понял, зачем его искали.

Всё дело было в Хуан Кэцзи.

Сяо Жун не знал, смеяться ему или плакать, но в то же время ощутил глубокое волнение. Воистину, всё в этом мире было устроено сложно. Хотя возвышение учёного сословия и привело к упадку других классов, именно благодаря стойкости этих людей, их приверженности высоким идеалам и готовности бороться за них насмерть, удавалось косвенно сдерживать правителей, заставляя тех хотя бы надевать личину добродетели.

Изначально Сяо Жун не слишком много думал о Хуан Кэцзи. Его план состоял в том, чтобы оказать давление на Хуан Яньцзюна, войти в контакт с его племянником, посеять в его душе семя раздора и подтолкнуть их к будущей междоусобной борьбе. Хуан Кэцзи получил бы поддержку армии Чжэньбэй, и если бы ему действительно удалось отколоться от дяди, Сяо Жун обеспечил бы ему несметные блага со стороны Цюй Юньме. Во-первых, в знак благодарности, а во-вторых, чтобы показать остальным, чего можно достичь, перейдя на сторону Чжэньбэй-вана.

В семье Цюй Юньме почти не было родственников, а земли Срединной равнины были огромны. Пусть эпоха феодальных княжеств и миновала, необходимость в пожаловании титулов вана оставалась. Сяо Жун полагал, что человеку уровня Хуан Кэцзи можно было бы даровать титул праздного вана с другой фамилией, без реальной власти, чтобы тот всю жизнь наслаждался почётом и богатством.

После такого никто бы не посмел упрекнуть Цюй Юньме в неблагодарности.

Сяо Жуну его план казался безупречным, но, выслушав опасения Юй Шаосе и Гао Сюньчжи, он вдруг вспомнил, что Хуан Кэцзи — всего лишь шестнадцатилетний юноша. План Сяо Жуну строился на предположении, что Хуан Кэцзи сможет вырваться из Цзяньнина с боем, что его характер и методы позволят ему противостоять Хуан Яньцзюну, и лишь затем он получит обещанную награду. Пожалуй, это и впрямь было слишком многого требовать.

На мгновение Сяо Жун ощутил укол совести и списал всё на усталость прошлой ночи, из-за которой и родилась столь незрелая идея. Потерев слегка онемевшее от сна лицо под двумя выжидающими взглядами, он небрежно кивнул и начал вставать.

Приведя себя в порядок, он отправился к Цюй Юньме. Тот, узнав, что Сяо Жун наконец проснулся, велел страже известить Хуан Яньцзюна.

Оказалось, Хуан Яньцзюн прибыл с визитом ещё ранним утром, но поскольку Сяо Жун всё время спал, переговоры с ним вёл сам Цюй Юньме. Он даже толком не расслышал, зачем Сяо Жун вообще велел его позвать, а потому, естественно, не мог принять его в одиночку.

Выслушав объяснения Цюй Юньме, почему тот продержал Хуан Яньцзюна в ожидании целых полтора часа, Сяо Жун совершенно онемел.

«Вот она, цена пребывания рядом с Цюй Юньме. Приходится не только смотреть, как он наживает себе врагов, но и как он делает это за меня...»

Но дело было сделано, и исправить уже ничего было нельзя. Сяо Жун решил оставить всё как есть. Он сел ниже Цюй Юньме и стал ждать, когда войдёт Хуан Яньцзюн.

Вчера их было трое, сегодня — лишь двое. Хуан Кэцзи не пришёл.

Да и сам Хуан Яньцзюн разительно переменялся: он был сама скромность и любезность, и ничто в нём не напоминало о вчерашней вызывающей дерзости.

Он был вежлив, но Сяо Жун был ещё вежливее. Он первым поднялся и поклонился Хуан Яньцзюну:

— Хорошо ли спалось инспектору Хуану?

— Прекрасно, прекрасно, — улыбнулся тот. — Всю ночь без сновидений, до самого рассвета.

Сяо Жун тоже улыбнулся, отчего стал ещё красивее.

— Поистине завидую инспектору Хуану. Я тоже хотел бы выспаться, но среди ночи меня одолел кошмар. Привиделся сломанный меч, вонзённый во врата города Чэньлю. А ведь это дурное предзнаменование.

Лицо Хуан Яньцзюна застыло.

Говоря это, Сяо Жун выглядел весьма озабоченным, но, закончив фразу, он тут же переменялся в лице и снова улыбнулся:

— Впрочем, думаю, это лишь отголоски дневных дум, а не какое-то знамение. Как считает инспектор Хуан?

Хуан Яньцзюн не успевал за столь быстрой сменой настроения и мог лишь выдавить из себя натянутую улыбку.

Сяо Жун сел и неторопливо продолжил:

— У знамения сломанного меча есть несколько толкований. Первое — прольётся кровь. Второе — жди козней от мелких людишек. Третье — задуманное дело потерпит крах. Потому я и говорю, что это не знамение. Государь наш храбр и могуч, никто не сможет причинить ему вреда, что уж говорить о мелких людишках, даже демоны и духи не смогут его одолеть. Что до третьего толкования, то оно и вовсе невозможно. Единственное, что сейчас замышляет государь — это поход на сяньби. А раз уж инспектор Хуан лично прибыл в Чэньлю, то вы непременно присоединитесь к государю, чтобы разгромить сяньби в пух и прах. Как тут можно говорить о крахе?

Улыбка на лице Хуан Яньцзюна стала ещё более натянутой. Сколько ни говори, а суть одна — от него требуют войско. Что ж, он уже смирился. В крайнем случае, вернётся и снова сошлётся на болезнь.

Стиснув зубы, Хуан Яньцзюн поклонился сидевшему выше Цюй Юньме:

— Я, недостойный, готов предоставить пять тысяч воинов из Цзяньнина и последовать за государем в походе против сяньби.

Сяо Жун промолчал.

«Пять тысяч? Он что, нищему подаёт? Даже Юй Шаочэн, сбежав, увёл с собой шесть тысяч человек».

Цюй Юньме, зная, что красноречием не отличается, промолчал и посмотрел на сидевшего рядом Сяо Жуну.

Сказать по правде, он считал, что уже хорошо, что Хуан Яньцзюн вообще согласился дать войско. Пять тысяч или пятьдесят — для него не было разницы. В любом случае, он собирался вести в поход свою тридцатитысячную армию.

Сяо Жун, сидевший на своём месте, ответил на это лишь холодной усмешкой:

— Похоже, искренность инспектора Хуана невелика.

— Цзяньнин беден, и войск у меня немного... — начал было Хуан Яньцзюн.

Но Сяо Жун прервал его:

— Даже в самой бедной области не может быть всего пять тысяч воинов. В походе против сяньби государь выступает объединителем и инициатором. Чтобы нанести по врагу

сокрушительный удар, он поведёт на север всю армию Чжэньбэй! Государь явил такую решимость, и инспектору Хуану следует последовать его примеру, ведь Поднебесная давно страдает от сяньби! Сколько мирных жителей погибло под копытами их коней? И покойный император, почивший в столь юном возрасте, разве не их ли это вина? Инспектор Хуан, назначенный двором правителем Цзяньнина, получая жалованье от государя, должен быть ему предан. Если вы поведёте с собой лишь пять тысяч воинов, как докажете свою верность двору? Как заслужите благосклонность Его Величества? Наш государь не связывался ни с кем другим, первое письмо он отправил именно инспектору Хуану, ибо он помнит о милости, оказанной ему семьёй Хуан. Такое благое дело, выгодное и стране, и государю, и народу — как же вы не понимаете глубокого замысла нашего государя!

Цюй Юньме промолчал.

«Какой ещё глубокий замысел?»

Хуан Яньцзюн тоже ошеломлённо уставился на Сяо Жуна. Глубокий замысел? У Цюй Юньме? Способен ли он на нечто столь изощрённое?

Чжоу Лян молча смотрел в пол, казалось, никак не реагируя. На самом же деле он мысленно уже перенёс Сяо Жуна из списка «злопамятных» в список «опасных противников».

Умный человек понял бы намёк Сяо Жуна с полуслова, но Хуан Яньцзюну и Цюй Юньме требовалось немного больше времени.

Сяо Жун отпил чаю, смочив горло, и приготовился к долгому, обстоятельному разговору.

— Не буду скрывать от инспектора Хуана, земли к северу от реки Хуай сейчас в упадке и ждут возрождения. Войск у государя на вид много, но на деле они разношёрстны. Во многом государь хотел бы, да не может. Он твёрдо намерен сокрушить сяньби, но одна нить не станет пряжей, одно дерево — не лес. Исход этой битвы неведом, потому нам и нужна ваша всемерная поддержка. Нет, не нам — народу она нужна, Его Величеству!

Хуан Яньцзюн промолчал.

«Я приду — и вы точно победите? Кто в это поверит!»

Сяо Жун знал, что тот не поверит, и потому немедленно начал рисовать радужные перспективы. Хотя письма ещё даже не были отправлены, он говорил так, будто другие правители уже в пути: этот ведёт несколько тысяч, тот — десять тысяч. Собравшись вместе, они станут великой силой, и победа над сяньби будет лёгкой прогулкой. А отдельное письмо Хуан Яньцзюну они отправили лишь потому, что некоторые выгоды нельзя отдавать другим, они предназначены только для семьи Хуан.

Сяо Жун не называл Хуан Яньцзюна по имени, а говорил «семья Хуан». В этом действительно была слабая сторона Цюй Юньме. Хуан Яньцзюн всегда смотрел на него свысока именно потому, что носил ту же фамилию и с моральной точки зрения всегда стоял выше.

Пообещай он выгоду лично Хуан Яньцзюну, тот бы не клюнул. Но раз речь зашла об отплате семье Хуан, Хуан Яньцзюн счёл это более правдоподобным.

Сяо Жун, наблюдая за сменой выражения на его лице, сбросил главную бомбу:

— Исконный дом семьи Хуан — в области Цзянчжоу. Старший брат инспектора Хуана всю жизнь управлял Луцзяном, и сам инспектор вырос там. Не желаете ли вы вернуться в Луцзян?

Лицо Хуан Яньцзюна переменялось.

Конечно, желал. Мечтал об этом. С одной стороны, потому что его оттуда изгнали. С другой — потому что Луцзян был намного богаче Цзяньнина и находился рядом с Цзиньлином. Идеальное место для мятежа!

Но он лишь настороженно улыбнулся:

— Где служить — решает Его Величество. Я не ропщу.

— А что, если Его Величество переведёт вас обратно в Луцзян? — спросил Сяо Жун.

— Интендант, не шутите, — усмехнулся Хуан Яньцзюн.

— Я не шучу, — ответил Сяо Жун. — В своё время из-за государя ваш брат лишился должности инспектора Луцзяна. Это событие занозой сидит в сердце государя, и он никак не может от неё избавиться. Объединившись с вами для похода на сяньби, он не только укрепит армию Чжэньбэй, но и сможет наконец вытащить эту занозу, вернув всё на круги своя. Сяньби — головная боль не только государя, но и всего двора. Если инспектор Хуан проявит себя в походе, государь сможет обратиться к Его Величеству и Великому маршалу с прошением о вашем переводе.

Хуан Яньцзюн взглянул на Сяо Жуна, на этот раз даже не усмехнувшись.

Видя это, Сяо Жун улыбнулся:

— Инспектор не верит, что государь сможет это устроить? Должно быть, вы не знаете, что государь состоит в постоянной переписке с Великим маршалом. В прошлом году они встречались в Хуайине, пировали и пили вино. А в этом году государь посетил Пиньян и имел приятную беседу с тамошним инспектором.

Хуан Яньцзюн замер и посмотрел на сидевшего выше Цюй Юньме. Тот моргнул и холодно отвёл взгляд.

«Он действительно был в обоих местах. А было ли там то, о чём говорит Сяо Жун... хм, это его не касается».

Видя это, Сяо Жун добавил:

— Такой приказ о переводе не так-то просто получить. Государь может лишь поспособствовать. Главное будет зависеть от ваших действий. Кроме того, у государя есть три просьбы. Если инспектор Хуан выполнит их, государь будет спокоен.

«Ага, с условиями». Услышав об условиях, Хуан Яньцзюн счёл это более правдоподобным. Он всё ещё не решил, верить или нет, но захотел узнать, чего же хочет Цюй Юньме.

Сяо Жун перечислил: первое — прислать в Чэньлю лучшие золото, серебро и драгоценности, которые они «передадут» Его Величеству от имени Хуан Яньцзюна; второе — написать личное письмо с благодарностью Цюй Юньме за помощь семье Хуан и объявить, что их вражда окончена; третье — объявить всем, что всё его имущество унаследует Хуан Кэцзи.

Сяо Жун спокойно изложил эти три пункта. Даже Чжоу Лян поднял на него голову. Он не скрывал, что знает о существовании Хуан Кэцзи. Хуан Яньцзюн и Чжоу Лян обменялись взглядами, в которых читались разные мысли.

Инспектор окончательно расслабился. Сначала Сяо Жун вёл себя так, будто собирается отдать ему Луцзян даром, и Хуан Яньцзюн напрягся до предела. Теперь же тот понял: какой там перевод, они просто хотят этим «переводом» выкупить долг Цюй Юньме перед семьёй Хуан. После этого он больше не сможет давить на Цюй Юньме.

Драгоценности, разумеется, осядут в карманах Цюй Юньме, а «передача» — лишь предлог. Они просто позарились на богатства семьи Хуан и хотят урвать куш. Единственное, что удивило Хуан Яньцзюна, — это третий пункт.

Надо же, их заботит судьба Хуан Кэцзи. Как смешно.

Хуан Яньцзюн не заметил, как снова начал смотреть на Цюй Юньме свысока. Поняв, что вся эта комедия затеяна лишь для того, чтобы снять с Цюй Юньме моральное давление со стороны его семьи, он почувствовал себя победителем. Он перестал размышлять, правда это или ложь. В конце концов, для Цюй Юньме этот долг — как кость в горле, и ради избавления от него он должен быть готов на всё.

Однако в ловушке оказался не только Цюй Юньме, но и он сам. Цзяньнин был хорош всем, кроме своего захолустного расположения. Он отчаянно жаждал вернуться в Луцзян.

Изначально перспектива военного похода его не радовала, но если за это можно было получить заслуги и перевод в Луцзян, дело принимало совсем другой оборот. Хуан Яньцзюн начал задавать вопросы, вступая с Сяо Жунуном в торг. Его тон становился всё более напористым, и под его давлением Сяо Жун был вынужден пообещать, что добьётся от императора или Великого маршала письма с приказом о выступлении войск.

Как только он увидит это письмо, он, как и обещал Сяо Жун, окажет всемерную поддержку в походе на сяньби.

Сяо Жун, скрипнув зубами, в свою очередь потребовал, чтобы драгоценности были доставлены как можно скорее, чтобы у него было что сказать императору.

Деньги — не войска и не провиант, для семьи Хуан это не было проблемой. Хуан Яньцзюн тут же согласился и с видом победителя удалился.

Цюй Юньме, глядя ему вслед, с тоской подумал о своём копье Сюэинь Чоумао.

Когда они остались одни, Цюй Юньме, нахмурившись, посмотрел на Сяо Жунуна:

— Ради его войска ты и вправду собираешься просить у императора письмо?

Сяо Жун неторопливо допил чай и лишь затем с лёгкой улыбкой ответил:

— Государь помнит, зачем мы изначально решили объединять всех для похода на сяньби?

Цюй Юньме задумался и вспомнил:

— Чтобы добыть денег на строительство Чэньлю.

— Верно, — кивнул Сяо Жун.

— Так ты всё это затеял только ради его драгоценностей? — спросил Цюй Юньме. Сколько бы он ни прислал, это будет лишь капля в море.

Сяо Жун взглянул на него с лёгкой жалостью.

Цюй Юньме промолчал.

В этот момент Сяо Жун, в прекрасном настроении, поднялся и, склонив голову, сказал Цюй Юньме:

— Всё богатство Поднебесной можно разделить на десять долей. Пять из них — в руках великих кланов, другие пять — у императора. Хуан Яньцзюнь... он лишь приятная неожиданность на пути к тигру, в лучшем случае — кролик. Но именно запах крови кролика и приманит настоящего тигра.

— Государь, будьте спокойны. Деньги, провиант и люди — всё это будет собрано до начала похода. В этой битве мы непременно победим.

<http://bllate.org/book/15355/1422924>